

М. А. КИССЕЛЬ

Идеализм против науки

<Фрагменты>

На практике теория чувственных данных столкнулась с весьма серьезной трудностью, которую она так и не смогла преодолеть, что и послужило причиной ее теперешней малой популярности среди буржуазных философов. Дело в том, что, отправляясь от чувственных данных как «кирпичиков» научного знания, невозможно объяснить, на каком основании мы оперируем понятиями материальных вещей, окружающих нас в обыденной жизни, и физических объектов (таких, как атом, элементарная частица и т. д.). Всякий предмет (обыденного сознания или научного мышления) очевидно есть некоторое целое, какое-то единство качеств и свойств. Но совершенно непонятно, откуда берется это единство, если придерживаться той точки зрения, что реально нам даны лишь отдельные качества в той или иной специфической форме проявления в данный момент. Кроме того, ясно, что такие специфические проявления всегда связаны с определенными индивидуальными чертами, присущими восприятиям различных субъектов. Наука же строится на базе наблюдений, которые (по крайней мере в принципе) являются общезначимыми для всякого субъекта <...>

Для устранения трудностей теории чувственных данных Рассел решил воспользоваться методами математической логики, чтобы заново сформулировать некоторые философские вопросы, избегая философских «ловушек», коренящихся в двусмысленностях и неопределенности выражений обычного языка. С этой целью он выдвинул так называемую «теорию дескрипций», назначение которой состояло в том, чтобы с помощью специальной процедуры «перевести» любое предложение обычного языка на «язык чувственных данных». Процедура предполагает два этапа: сначала содержащиеся в предложении имена (термины, обозначающие единичные пред-

меты) заменяются описаниями, которые затем выражаются на языке математической логики в виде «пропозициональных функций», где вместо имени первоначального предложения стоит «логическая переменная», значения которой задаются эмпирически, т. е. допускают сопоставление с чувственными данными.

Теория дескрипций выдвигалась Расселом в качестве средства от недоразумений, возникающих при оперировании так называемыми «несуществующими сущностями» вроде: «нынешний король Франции» или «золотая гора», которым приходилось приписывать какой-то особый способ существования хотя бы в виде идеального бытия. Это недоразумение Рассел пытался устранить утверждением, что предикат существования (или несуществования) нельзя вообще приписывать именам, обозначающим единичные предметы, но лишь только пропозициональным функциям, связывающим логическими отношениями чувственные данные.

В учении Рассела наряду с чувственными данными появляется второй компонент реальности — логические отношения, обнаруживающие, по его мнению, структуру действительного мира. Вместе с тем казалось, что с помощью логических отношений найдено необходимое промежуточное звено между «базисными» чувственными данными и объектами науки. Отправляясь от чувственных данных, в результате последовательного применения логических операций надлежало «построить» требующиеся объекты. Сам Рассел, однако, не занимался детальной реализацией этой программы, ограничившись анализом психофизической проблемы, что и было им проделано в книгах «Анализ ума» и «Анализ материи». Общий вывод его мы и приведем.

«Различие между умом (mind) и материей, — заключает Рассел, — есть различие в классификации. Я иллюстрировал эту мысль при помощи аналогии с почтовым управлением, которое классифицирует людей двояким образом — по алфавитному и географическому признакам <...> Подобным образом ощущение может быть объединено с некоторым числом других событий посредством связи в памяти (by memory-chain), в каковом случае оно становится частью ума; или же оно может быть объединено с каузально предшествующими событиями, и в таком случае оно выступает как часть физического мира»*.

Этом пункте мы можем подметить любопытную закономерность: концепция нейтрального монизма Маха — Рассела, отождествляя реальность с чувственными данными, физическое с психическим, само психическое истолковывает в духе вульгарного материализма,

* *Russell B. My Philosophical Development. London, 1959. P. 139.*

сводя сложные процессы сознания к доступным наблюдению физическим реакциям организма.

Такая концепция сознания послужила теоретической основой бихевиористской психологии, руководствовавшейся механистической схемой «стимул — ответ» при анализе психических явлений. Рассел в наиболее зрелой своей книге по теории познания, например, высказывает мысль, что наши восприятия похожи на волокна головного мозга, и кажущуюся парадоксальность такого взгляда объясняет тем, что мы лишены возможности «наблюдать» наш мозг непосредственно в процессе его функционирования <...>

Сам Рассел в своей последней работе по гносеологии «Человеческое познание» уже оставил «философию логического атомизма» и выдвинул несколько иную версию «теории соответствия», по существу немногим отличающуюся от старинного спенсеровского «преобразованного реализма». Вслед за прагматистами Рассел придает фундаментальное значение «мнению» или «убеждению» (belief), образуемому исходный материал познания. Уже «убеждение», будучи весьма сложным состоянием организма, не сводимым только к «образу» или «идее» (по терминологии английского эмпиризма), ориентировано всегда на что-то «внешнее» по отношению к нему. Объект познания Рассел сейчас не склонен отождествлять с «чувственными данными», он признает его независимость от самого процесса познания.

Отвергая понятие материальной субстанции мира, Рассел тем не менее рассматривает явления окружающей среды наподобие «комплексов соприсутствия качеств», занимающих определенное «место» в пространстве-времени. Это совсем совпадало бы с махизмом, если бы не настойчивое подчеркивание английским философом различий между нашими восприятиями и событиями реального мира. Между ними якобы устанавливается «отношение соответствия» на основе общности структуры. Благодаря этому определенным изменениям в объекте соответствуют и определенные изменения в наших восприятиях, а между двумя рядами изменений существует причинная зависимость, связывающая физический и психический «концы» познавательного отношения.

Таким образом, познание у Рассела есть не что иное, как символическое выражение явлений мира на понятном нам языке. Говорить о познании мира таким, каков он есть сам по себе, независимо от сознания субъекта было бы, по его мнению, большим преувеличением, ибо законы нашего языка конструируются самим человеком, природе же до этого нет никакого дела. Достаточно того, что между объектами и нашими идеями о них есть определенное сходство.

На примере такого рассуждения можно отчетливо проследить «гносеологические тенета» критического реализма. Агностические сомнения в адекватности нашего познания — это «плата» метафизического мышления за допущение реального существования объектов познания независимо от какой бы то ни было деятельности познающего ума.

Такова неизбежно возникающая в круге идей реализма дилемма: либо утверждение познаваемости мира, но при весьма сомнительных, с научной точки зрения, постулатах интуитивизма («непосредственный реализм»), либо гносеологический скептицизм, но зато опирающийся на здравый смысл, который требует признания независимости физического мира от познавательной активности субъекта.

